

Оноре д' Юрфе

Новая Астрейя

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю82

Ю82 **Юрфе О.**
Новая Астрей / Оноре д' Юрфе – М.: Книга по Требованию, 2024. – 124 с.

ISBN 978-5-521-39455-5

Геснеру авторство приписано ошибочно, В действительности это перевод "La nouvelle Astrée" - сокращения "Астреи" О. Юрфе, приписываемого Ф.Т. Шуази

ISBN 978-5-521-39455-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВАШЕ СІЯТЕЛЬНОСТЬ!

Милостивый Государь!

Простите моему дерзновенію, что я, незнаемъ будучи Вами, осмѣливаюсь поспятить Вашему пысокому Имяни сей посильный опытъ моихъ трудовъ; иво похпаляемая цѣми пѣ Вашей Особѣ рѣдкія добродѣтели, какопыя доказы-
паетъ спойство Вашей проспѣщенной души, разположенной ко влагодѣтель-
стпопанію, повудили меня жертпопаты Вашему Сіятельстпу симъ малымъ, но усерднымъ приношеніемъ. —

Ваше Сіятельство, Милостивый Го-
сударь! удостойте Вашего принятія сіе
приношеніе отъ челопѣка, сколь мало

Вашему Сіятельству извѣстнаго, столь
напротивъ того много Васъ благоуго-
дителемъ себѣ признающего. Прими-
те, пзирая на редность моего сердца,
сію усердную жертву: единое миро-
стиное, единое Ваше на оную благо-
склонное позрѣніе сдѣлаетъ меня ща-
стливымъ. Поручая сей трудъ и сама-
го себя въ милостивое Ваше покрови-
тельство, за щастіе почитаю имяна-
ваться

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

Милостиваго моего Государя

Всенижайшимъ слугою

ВАСИЛЕЙ РАЕВСКОИ,

Н О В А Я А С Т Р Е Я.

Часть Первая.

Природа произвела малую часть земли, Форетъ называемую, пріятнѣйшею изъ всѣхъ мѣстъ Франціи: горы, поля, лѣса, источники, составляли тамъ различныя увеселенія; и хотя Линіонскіе берега не столь были славны, какъ Тибрскіе, но пастухи и пастушки, видаясь тамъ другъ съ другомъ всякой день въ удовольствіи, не прельщались прочими мѣстами. Щастливое спокойствіе, естълибъ любовь оваго не возмутила!

Солнце еще не взошло, какъ Альцей, прекраснѣйшій изъ пастуховъ, оставя стадо вѣрнымъ своимъ собакамъ, приходишь и сядишь на брега рѣки Линіона, во ожиданіи пастушки Аспрей, кошую онъ не долго ожидалъ; любовь и ревность возбудили ее. Онъ вдругъ увидѣлъ Мелампу, любимую ся собачку, кошая подбѣжавъ къ нему ласкалась; и вскорѣ по шомъ милую ся овечку, кошая въ сей день не имѣла на себѣ лены, какъ шо бывало прежде: пошому что не о шомъ думала шога Аспрей.

Она слѣдовала за спадомъ своимъ съ такимъ печальнымъ видомъ и въ такой глубокой задумчивости, что прошла весьма близко мимо Альцея, но не видала его. — Онъ льстилъ себя, что она шла искашь его въ тѣхъ мѣстахъ, куда онъ всякой день хаживалъ; онъ слѣдовалъ за нею, ни мало не думая о томъ несчастіи, котораго онъ не заслужилъ, и нашелъ ее облакошавшуюся на дерево столь углубленною въ мысляхъ своихъ, что она не могла видѣть его у своихъ ногъ. О! еслибѣ влюбленный Альцей не упозалъ излишно на невинность своего сердца, то бы онъ тотчасъ узналъ по смущенію пастушки своей, что она почиала его непостояннымъ. Но казалось, что рокъ хотѣлъ нечаянно погубить его; онъ подходитъ къ ней съ восхищеніемъ щастливаго любовника; но увы! какъ онъ ею былъ принятъ? самая жестокая зима не имѣла никогда столько холодности, сколько онъ находилъ въ своей любезной. Такой чрезвычайный пріемъ привелъ его въ замѣшательство: онъ проходитъ въ умъ своемъ все дѣла, все поступки свои; разсматриваетъ, разбираетъ самъ себя со всею строгостію, но не находитъ ничего, чѣмъ бы могъ себя укорять. Наконецъ, какъ невинность возвращала ошнытыя первымъ изступленіемъ ему силы: что сдѣлалъ я? сказалъ онъ, не смѣя на нее взглянуть. — Ты маѣ измѣнивъ, ошвѣстствовала ему съ гнѣвомъ пастушка, осмѣливаешься еще показываться предъ меня: поди, вѣроломной! оставь меня оплаки-
вать

вать мои несчастія.... Чшо произвели слова сіи въ семъ вѣрномъ пастухѣ, шо можешъ знашь шолько шомѣ, кшо любя самъ шшоль несправедливо былъ укоряемъ. Альцей сказалъ: Астрей! къ чему такая строгая поступка? развѣ чшобъ меня испытать въ вѣрности, или ввергнушь въ опчаяніе?— При сихъ словахъ ревнивая пастушка, не могши болѣе снести присутствія любезнаго прежде ей пастуха, какѣ, непостоянной! вскричала она, ты пришелъ еще меня мучишь? поди, ищи другой, кошорая бы тебя слушала; и естли ты меня любилъ когда, старайся, измѣнникъ, чшобъ я тебя никогда не видала. -- Сказавъ сіи ужасныя слова, пастушка оставила его, съ великою скоростію. Альцей хотѣлъ ее удержать за плащъ, но одна шолько лентя ошѣ ея рукава ошпалась у него въ рукѣ. Тогда, слѣдуя одному своему опчаянію, ахѣ, жестокая! вскричалъ онѣ; ты будешь довольна и не увидишь меня никогда. Едва окончилъ онѣ сіи слова, какѣ бросился въ рѣку Анионѣ.

Сія небольшая рѣчка была шогда довольно глубока ошѣ великаго дожда и шаянія на горахъ снѣговѣ. Бѣдной пастухѣ, желая умереть, скоро лишился чувствѣ, и былънесенъ стремленіемъ воды безъ всякаго штаранія о свей жизни: но Астрей, кошорая еще не въ дальнемъ разстояніи была ошѣ шого мѣста, прибѣжавъ на шумѣ, произведенный паденіемъ Альцея въ рѣку, шшоль была шронута его опчаяніемъ, чшо пришедши въ безпамяштво, упала сама въ воду, кошорой холодѣ скоро

возвращилъ ей чувства. Пастухи бросились къ ней на помощь; а плашье удерживало ее нѣсколько на поверхности воды. Они, извлекши ее изъ рѣки, понесли въ ближайшій шалашъ, которой былъ двоюродной ея сестры и искренней подруги. Лисидасъ, братъ Альцесевъ, былъ тогда у Филлемы, которую онъ столько любилъ, какъ и она его. Асхрея въ такую пришла слабость и недоумѣнiе отъ приключившагося съ нею происшествiя, что принимала съ холодною чинимыя ей вспоможенiя. Наконецъ открывла она глаза свои; печаль ея больше умножилась, какъ увидѣла брата Алцесева: она имѣла еще столько силъ сказать ему, что братъ его утонулъ. Лисидасъ тотчасъ побѣжалъ на берегъ рѣки Динiона, чтобъ сыскать по крайней мѣрѣ несчастное Альцесово тѣло; но сколь онъ ни старался, ничего найти не могъ. Альцей стремленiемъ воды былъ выброшенъ на другую сторону рѣки безъ чувствъ; куда по щастiю три Нимфы, прогуливаясь по берегу, пришли въ то самое время спасти его жизнь; изъ его тѣла со всѣхъ сторонъ текла вода, и оно лежало еще до половины въ водѣ, а лице съ отверзтыми устами на берегу. Нимфы почли его мертвымъ; а какъ Леонида была изъ нихъ ко всему жалостлива, то, подошедши къ нему, совсѣмъ его извлекла изъ воды на берегъ. Отъ сего движенiя бездыханный пастухъ началъ изрыгать ту воду, которую онъ прежде глоталъ; и такъ много изъ него оной вышло, что Нимфа, нашедъ еще въ немъ

немъ нѣсколько теплошъ, подумала, что онъ могущъ ему спасти жизнь; къ чему и Фона (такъ называлась ихъ начальница) вознамѣрилась всѣ свои прилагать старанія. Онъ взяли его въ свой замокъ, гдѣ посредствомъ нравъ и другихъ сосставовъ возвращали ему дыханіе, и примѣшивъ оное, не сомнѣвались о его жизни.

Аспрея, пришедши въ чувства, вообразила себѣ шотъ ударъ, которому причиною была ея жестокость, и обѣяла будучи страхомъ и ошчаянїемъ, негодуя на свою ревность, оплакивала сшротость своей судьбины. Прости, любезный Альцей! сказала она залившись слезами я причиною твоей погибели; ты для меня ошчалъ свѣтъ въ цвѣшущихъ лѣтахъ твоихъ: увы! я врагъ, злодѣй, убійца твой. . . Но я люблю тебя. О боге! почшо вы не погрузили меня съ Альцесомъ вмѣстѣ въ ярящихся волнахъ? Мнѣ съ нимъ самая смерть была бы ушѣшенїемъ; теперь безъ него мнѣ жизнь кажется несноснымъ бременемъ. Мѣста, въ которыхъ я часто видалась съ моимъ любезнымъ, всегда будушъ обличать меня въ жестокой моей суровости, и болѣе произведущъ во мнѣ шоски и ошчаянїя. Увы! я навѣкъ лишилась того, кшо мнѣ былъ дороже моей жизни; шамъ не буду я больше ошущать безъ него удовольствїя и прїятныхъ ушѣхъ, кромѣ горести и унынїя. Когда онъ меня находилъ погруженную въ задумчивость, старался прогнать мою печаль нѣжными своими ласками. Онъ былъ прекрасенъ и всегда веселъ; его присушствїе въ пастушескихъ

скихъ собраніяхъ и хороводахъ одушевляло забавныя игры; онѣ имѣлъ особенный даръ пріятно играть на флейшѣ: теперь всѣ пріятности и забавы навѣкъ отселѣ съ нимъ сокрылись! Всѣ сіи разсужденія совокупились, дабы тѣмъ большую нанести ей горестъ.

Между тѣмъ какъ Аспрея оплакивала Альцея, то сей пастухъ находился въ замкѣ Иссурѣ въ рукахъ трехъ прекрасныхъ Нимфъ, которыя ничего не щадили для поданія ему помощи: но при всѣхъ ихъ стараніяхъ оспашекъ дня и часть ночи былъ онѣ безчувственъ. Наконецъ, какъ покой и лѣкарства возвратили ему силы: то онѣ открылъ свои глаза и пришелъ въ крайнее состояніе. Ештыли я живъ, сказалъ онѣ самъ себѣ: то можно ли шому спасться, чшобы жестокость Аспрейна меня не умершвила? Ештыли я уже больше не нахожусь въ числѣ живыхъ, то для чего шы ищешь, о любовь! въ ужасѣ смерти? При многихъ подобныхъ сему воображеніяхъ опять заснулъ сей пастухъ столь крѣпко, чшо онѣ не слыжалъ, какъ Нимфы, пришедши его посмотришь, въ какомъ онѣ состояніи находишься, увидѣвши его спящаго, открыли въ сей комнашѣ окны и сѣли вокругъ его, дабы разсмашривашъ его по желанію. Сколько пастухъ сей, сказала Феона, перемѣнился со вчерашняго дня! и какъ скоро возвратился прежній цвѣшъ лица его! шруды наши съ пользою употреблены; ибо мы спасли его жизнь.

Государыня моя! ошвѣшествовала ей Сильвія: сей пастухъ ешты изъ знашвѣйшаго дому
шой

той страны; гдѣ обитаетъ спокойствіе и невинность: онѣ сынѣ Клеанша и Амарилены; я видѣла его нѣкогда на торжествуемомъ ими праздникѣ при берегахъ рѣки Линіона, и помню, что изъ всѣхъ паспуховъ онѣ и Сильвандръ осмѣлились ко мнѣ подойти; я въ разговорахъ и поступкахъ ихъ примѣтила вѣщо высочайшее, нежели паспущеское состояніе. — Доколѣ Сильвія сіе говорила, Феона не спускала съ глазъ своихъ Альцея; возвращающаяся съ жизнію его красота заставляла ее вѣришь всѣмъ похвамамъ, которыя ему приписывала Сильвія; и какъ предъ нѣмъ жрецъ Климаншъ предсказывалъ ей, что шомъ, котораго она найдетъ на шомъ мѣстѣ, гдѣ нашла Альцея, составивъ благополучіе ся жизни: то она вздумала, что ей не можно прошившись опредѣленію боговъ, и предалась совершенно сей новой страсши; но видя, что онѣ не просыпается, пошла она въ свои сады съ одною только Леонидою. Не справедливо ли предсказалъ мнѣ Климаншъ? сказала ей она. — То правда, государыня моя, ошвѣщствовала ей Леонида, что онѣ вамъ показалъ въ волшебномъ зеркалѣ своемъ то мѣсто, гдѣ вы нашли сего паспуха: но слова его столь были непонятны, что я съ шрудомъ могу вѣришь, чтобы онѣ и самѣ оныя разумѣлъ. — Но я ихъ понимаю, любезная Леонида, и знаю, что шомъ, котораго я должна найти на берегу рѣки Линіона, долженъ составить мое благополучіе; и я должна первая его любить, потому что

я

я первая его увидѣла. Я къ стыду моему признаюсь тебѣ, что сердце мое начинаешь уже чувствовашь къ нему любовь. Ахъ, государыня моя! онъ только простой паспухъ. — Всѣ люди, продолжала Феона, имѣющъ одно начало, и ихъ должно различать по одному достоинству. — Но вы, государыня моя, ошибшеся в Леонидѣ, будучи столь великая Нимфа, и дожженствуя послѣ Амазисы управлять сею прекрасною страной, можете ли обратить взоръ вашъ на простаго паспуха? — Эона сдѣлалась паспушкою для Париса, сказала Феона. Государыня моя! сей паспухъ былъ сынъ Королевской. — Изрядно, прервала рѣчь ея Феона; естли то беззаконіе: то для чегожь боги повелѣваютъ мнѣ оное исполнить усшамъ жреца своего? Чшожь сдѣлается, государыня моя, съ Линдамаромъ? — Онъ наконецъ ушѣшился, любезная Леонида. — Нѣтъ, государыня моя, онъ умреть отъ сего. — Я буду сожалѣть о шомъ, Леонида: ибо я еще помню любовь ко мнѣ его и вѣрность; но впрочемъ я не хочу жертвовать собою его благополучію; но лучше желаю поинновашься Оракулу.

Альцей, проснувшись и видя себя въ великолѣпной комнатѣ, не могъ понять своего приключенія. Солнце ударило прямо лучами своими въ его постелю и свѣтомъ вслѣпляло слабые глаза его. Онъ твердо помнилъ паденіе свое въ Линіонъ, гдѣ онъ самую видѣлъ смерть, и находясь въ комнатѣ, блистающей золотомъ и живописью, подумалъ, что любовь въ награду

граждс